

АЛЕКСАНДР ИБРАГИМОВ

28.04.1947 - 18.07.2020

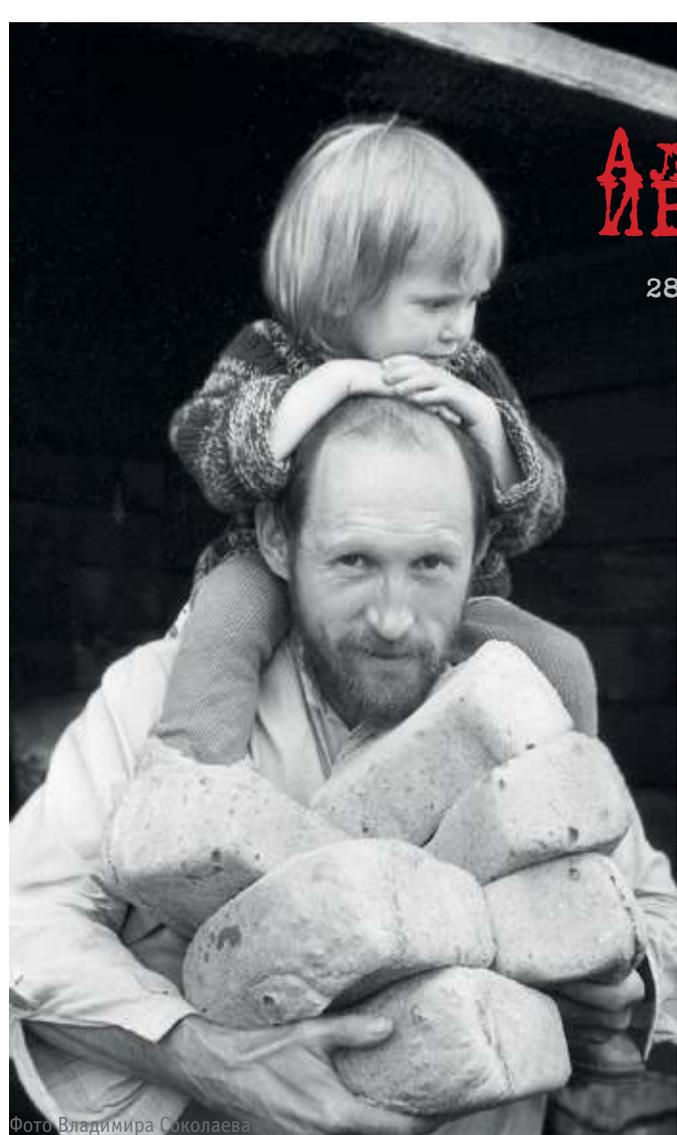

Фото Владимира Соколаева

Поэт Саша Ибрагимов с дочерью Леей
Замульта. Уймонская долина. Горный Алтай. 13.08.1985

К мужикам на лесопилку
бабушка пришла.
Принесла с вином бутылку
темного стекла.
И сказала, как вповину:
— Зажилась давно.
Надо мне на домовину
тихое бревно...

ДУРАЧОК

Ходит-улыбается,
а чему? Молчок.
Он и называется —
местный дурачок.

Братья пили-ели,
жили по уму.
Гневались, мрачнели —
знали почему.

Вот и погасли леса
в нашей долине.
Дышит свет у лица —
зимний отныне.

Глиняный шар луны —
в инее сбоку.
Горы ясно видны.
Все будет к сроку.

Или первый выпал снежок,
или тает последний?
Дед и внучек пришли на лужок —
зимний?.. летний?

Внучек ягоду рвал-обрывал
земляничку-клубничку.
Дед по пояс в сугробе стоял —
жег последнюю спичку...

ЗАБЫТЫЙ ПРАЗДНИК

Пришло Христово Воскресенье,
а мы не думали о нем.
Струилось тихое веселье,
и люди собрались на холм.

Вокруг подснежники сияли,
старухи пели в вышину.
И все друг друга целовали,
как будто поняли вину.

БРАТЪЯ

Один - немтой, второй - кривой,
а третий - не услышит.
Четвертый вроде и живой,
но век на ладан дышит.

Кривому счастья не видать,
глухому - нет ответа.
И богу душу не отдать -
и не проклясть все это.

Рано-рано потемнело.
Тихо-тихо в За-Мульте.
Печь зажгли - забыли дело
и сидели в темноте.

Билось детское сердечко:
кто там ходит за окном?
Со свечой на крылечко
вышли - снег идет кругом!

Ужасно жить,
и страшно умирать,
и воду пить,
и воздухом дышать.

Ужасна смерть.
Рождение страшной -
вновь не успеть
с любимой стать нежней.

РАБЬЯ МОРДА

У реки мужик стоял -
миг тот не забуду.
- Рабья морда, - он сказал, -
это я и буду.

Лето прожил на сплаву.
Вел игру в картишки.
А зимой семью свою
зарубил. И к вышке.

Выйду на мороз -
ночь стоит столбом!
Видно все до звезд,
да охота в дом.

А со звезд видать
чудный бор дымов.
От Ковша слышать
скрип моих пимов...

Фото Владимира Соколаева

Кто дожид до зимы, принимает ее, слава богу.
Редкость первых снежинок земляники июньской нежней.
Не трава-мурава, а сугроб подползает к порогу.
И Рождественской ночи прозрачная смерть не страшней.

И падающий-тающий в Журавлинском бору снег.
И слезы, ветвясь по лицу, щекочут глаза и язык.
И кажется мне: снегопад словно зыбкий ковчег,
плывущий средь звезд и меня прознобивший на миг.

Сначала писал стихи всему человечеству.
Затем - единственной - только Ей.
Потом - для птиц. И у жерла вечности
книгу издал для души своей.

Когда Александр Блок узнал, что погиб «Титаник»,
он просто отодвинул пустой стакан,
встал, поднял серебряный подстаканник
и произнес: «Есть еще океан».

Словно кончились слезы у неба
над извечной излучкой реки.
Но не видно Бориса и Глеба,
как ни вглядывайся из-под руки.

И не видно другого святого
на пустынном обрыве людском.
Знать, не вызрело вещее Слово,
за которым идут босиком.

О ни о чем мои стихи -
они невольны, как грехи,
они неведомы вполне,
хотя рождаются во мне, -
на перекрестье вышины
и тишины они слышны.

Все, о чем мы писали, свершилось!
Но в этом не наша честь.
Просто Страшный суд и великая милость -
это единственное, что есть.

Мы - за вас!

НАШИ ЗНАНИЯ
И
НАШ ТРУД!

Фото Владимира Воробьева

© В. КОРЖОВ

«Джоконда». Профессиональный конкурс буровиков. Поселок Елань. Кузбасс. 26.05.1983